

==== Дебют =====

Мари М.

***

Блуждая бездорожьем
 Без Бога, без молитвы
 Бессмысленно бормочем
 Бред. Брызги белены
 Бодрят бокал безумья.
 Бурей бледнеют бухты –
 Блеф. Бренного бездумья
 Бутон бесстрастно бухнет,
 Босой беглец, берег безмолвия,
 Барьер, блик бойни; билет
 Бронит безбрежное болото бытия.
 Бесшумно бередя бамбуковый букет,
 Будние будни бороня бредёт бездарно бестия.
 Боязнь быть безразличным –
 Болезнь былых бродяг.

Бесчувственным, безличным,
 Бессмертным. Но погибшим.

“Літера Н.” –
 Миколаївський міський
 журнал поезії № 2 – 2004

Редакція:
 Михалко Скалицькі,
 Євген Проворний

Верстка здійснена
 силами редакції

Видання некомерційне
 Виходить один раз на
 два місяці

Редакція не має власного
 офісу. Тексти можна
 надсилати е-поштою на
 адреси:
mskal@yandex.ru
provorny@ukr.net

Віддруковано на
 ризографі видавничої
 фірми “Репрографія”

Схвалено до друку
 18.10.04

Наклад:
 100 примірників

Зміст

Михалко Скалицькі

Для чого редактор

Евгений Проворный

Улица Лягина

Анатолий Заводюк

Буднь

Алексей Лоленко

Дежавю вовеуслышание

Дарина Березіна

Неальбомне

Сергей Пискурёв

Дождь над Солярисом

Аркадий Суров

Дерево десяти цифр

Мари М.

Просто стих

Михалко Скаліцкі

Для чого редактор

Кажуть, що не відомо, чи став би Езра Паунд тим, чим він став, якби його книжку не відредагував Еліот. Хтось уже, певне, читав мініатюру Євгена Проворного у газеті “Відкритий урок” (ч. 17 (33) за 2004 р.). Однак пропоную прочитати її хочби й ще раз:

Евгений Проворный

Улица Лягина

(из цикла “Прогулки по городу”)

Самая тихая улица – Лягина. Безмашинье. Безлюдье. Хотя – центр города. Почти его пуп.

Представит себя этой улицей очень легко. Лягте между Советской и Декабристов. Пятками упритесь в ликеро-водочный, руками ухватитесь за горисполком. У головы будет ЗАГС, у сердца – церковь, чуть ниже пояса, во дворе – публичный дом, который уже вывели на чистую воду, ну а в ногах... В ногах, как и положено, правды нет.

Особенно мне нравятся кварталчики от Шевченко до Спасской. Чудо-район. Я иногда прохожу там, присматриваясь к старинным домам и позвякивая мелочью в кармане.

На Лягина есть и детский городок. Милое место. Здесь первый раз меня забрали в милицию. Будучи еще первоклассником, я приглянулся тамошнему сержанту. Он завел меня в свой кабинет, расположенный на втором этаже сделанной под средневековые крепости, и сказал: “Доставай дневник!” Милиционер смотрел на мои сплошные пятерки, а я тихо пла-

Те звёзды, что над крышами повисли,
И на земле трава.

Собаки лают, вечер клонит к чаю,
И теплится огонь.
Мой мир. И за него я отвечаю.
Попробуй только тронь.

2. Отец. Идея

Искра на всех одна,
В этом её суть.
Жизнь для того дана,
Чтобы огонь раздуть,

Чтоб растопить лёд
Всюду, куда придешь.
Чтоб - молоко и мёд,
А не сухарь и нож.

Чтобы открыть свет
Всем, кто искал ответ.

1. Венец

Здесь нету совсем ничего, кроме ветра и пыли,
И место-то это едва ли удастся сыскать.
И всё ж оно есть.

Хотя те, кто поблизости были,
Как только не бьются, не могут его описать.
И я не смогу.

Пыль, пространство наполнено светом,
На пыли следы, и гадать не советую чьи.
Пожалуй и всё,

Впрочем нет, по камням-кастаньетам
Откуда-то, с самого верху, стекают ручьи.

5. Строгость

Трудно руки рубить.
 Но ещё труднее
 Отказать, когда хитрый помощи просит.
 Уж и плачет он, и судьбу поносит,
 И целует свой амулет на шее,

Но в глазах его тлеет несправедливость,
 По всему видать, с изъяном сердчишко,
 Мелковато, стучит суетливо слишком,
 В общем, жалок проситель,
 Одна сопливість.

Пусть уходит, и силы свои не тратит.
 Благодати мало.
 На всех не хватит.

4. Милосердие

Здесь все дети - мои.
 Нету правых и нет виноватых.
 Здесь расходится старая ткань, под названием «мир».
 Я - иголка, и нитка во мне, и я ставлю заплаты,
 Чтобы не было дыр.
 Я стараюсь, чтоб не было дыр.

3.5. Знание

Я - тот,
 Кто отвечает на вопросы.
 Ответы есть.

3. Мать. Понимание

Всё здесь, во мне, и имена, и числа,
 События и слова,

кал. Сегодня, конечно, я не стал бы показывать ему свой дневник, а потребовал бы адвоката. Но тогда меня привлекли за засорение искусственного водоема. Причем не мной, а моими друзьями. Просто они ловко умели прыгать через забор, а я умел лишь расплачиваться за чужие грехи. Но друзья не бросили меня в беде, они побежали к моему папе, который и договорился с хозяином средневекового замка о моем досрочном освобождении.

В общем, улица Лягина играла и продолжает играть определенную роль в моей жизни. Нет, я не стал бандитом. Бандитами стали те, другие, кто умел ловко прыгать через забор. А я стал ее верным поклонником. Банальным влюбленным. Вечным мальчишкой, так и не научившимся убегать от милиционеров.

Зусиллями редактора “Відкритого уроку”, проте, ця коротенька річ стала виглядати трохи інакше. Задля розуміння потужності цих зусиль пропоную їх виділити: те, що редактор викреслив, я наберу дрібнішим шрифтом, а те, чого додав, – крупнішим. Ось така вийшла у мене картина:

Самая тихая улица города – бывшая Рождественская, теперь Лягина. Безмашинье. Безлюдье. Хотя – центр города Николаева. Почти его пуп. Представить себя этой улицей очень легко. Лягте между Советской и Декабристов. Пятками упритесь в ликеро-водочный завод, руками ухватитесь за горисполком. У головы будет ЗАГС, у сердца – церковь, чуть ниже пояса, во дворе – публичный дом, который уже вывели на чистую воду Рождественский храм, ну а в ногах... В ногах, как и положено, правды нет. Особенно мне нравятся кварталчики от улицы Шевченко до Спасской. Чудо-район. Я иногда прохожу там, присматриваясь к старинным домам, и позвякивая мелочью в кармане.

На Лягина есть и детский городок. Милое место. Здесь первый раз меня забрали в милицию Милицейский участок. Будучи еще первоклассником, я приглянулся тамошнему сержанту. Он завел меня в свой кабинет, расположенный на втором этаже почему-то очень напоминавший средневековую крепость (такие изображались в учебнике истории),

и сказал: “Доставай дневник!” Милиционер смотрел на мои сплошные пятерки, а я тихо плакал, плохо осозная преступные действия. Сегодня, конечно, я не стал бы показывать ему свой дневник, а потребовал бы адвоката. Но тогда меня привлекли за засорение искусственного водоема. Причем не мной, а моими друзьями. Просто они ловко умели прыгать через забор, а я умел лишь расплачиваться за чужие грехи. Но друзья не бросили меня в беде, они побежали к моему папе, который и договорился с хозяином средневекового замка кабинета о моем досрочном освобождении.

В общем, улица Лягина Рождественская играла и продолжает играть определенную заметную роль в моей жизни. Нет, я не стал бандитом правонарушителем. Бандитами Ими стали те, другие, кто умел ловко прыгать через забор. А я стал ее верным поклонником улицы. Банальным влюбленным. Вечным мальчишкой, так и не научившимся убегать от милиционеров МИЛИЦИИ.

А тепер пропоную ці зусилля проАНАЛІзувати.

Перше, що впадає в око – редактор вніс ув оригінальний текст певні уточнення, які здаються логічними: ну, дійсно, чом би не уточнити, що Лягіна колись називалася Рождественською? що город – Николаев? що ликеро-водочный – завод? що Шевченко – улица? що ліричний герой стал верным поклонником – улицы ж, а не якоїсь площі, скажімо, абочого? що вперше героя забрали не просто у якусь абстрактну милицию – а саме в милицейский участок? (Михаїл Зощенко за подібної ситуації зо своїми редакторами казав: “Они хотят, чтобы я писал, как классики. Это – проще всего.”)

Щоправда, з остатнім уточненням виникла невеличка проблема, зумовлена природою мови у її схильності до творення певних усталених зворотів. “Забрать” кого-небудь у міліцейську дільницю просто неможливо, позаяк цього “не дозволяє”, хай би й просторічний, усталений зворот “забрать кого-либо в милицию”. Але – можна прийти самому або “быть приведенным, доставленным”. Тому в оригінальному тексті ліричного героя в міліцію “забрали”, зате до кабінету (відповідного редакторському “участку”) героя таки “завёл” сержант. Обізвамо це діло ляпусом, з огляду на який варт було сподіватися, що редактор пропустить і позірний “ляпус” автора, що його герой так і не навчився “убегать от милиционеров”.

Аж ні, ліричний герой за редакторської правки не навчився саме “убегать от милиции”, як того й вимагає усталеність даного звороту. За однієї

8. Величие. Аарон

Старший брат мой, твой голос навеки со мной,
И дымок папиросы, раскуренной в детстве,
До сих пор в моём сердце, как давней весной,
До сих пор. И не нам говорить о наследстве.

Нет, не нам, я ведь вырос в твоих сапогах,
И мозоли похожи на наших ногах.

7. Вечность. Моисей

Мой младший брат, всё, что дано от Б-га -
Способность говорить и немота,
И серый хлеб, и дальняя дорога,
И мудрость, и любовь, и тошнота
От жизни -

Это всё твоё, мой милый.

И справедливость.

И закон.

И сила.

6. Истина

Девочка жжёт свечу,
Мальчик попал в пургу,
Спросят, не промолчу,
Выправлю.
Помогу
«Верить», «желать» и «сметь»
Верно расположить.

И объясню смерть.

И научу жить.

Аркадій Суров

ДЕРЕВО ДЕСЯТИ ЦИФР

Путь наверх

10. Царство

Здесь протекают ручьи,
Буг впадает в лиман,
Здесь на вопрос: «Вы чьи?»
Скажут: «Свои, братан!»,

Здесь продают хлеб,
Рыбу и молоко,
Здесь, если ты не слеп,
К дому выйдешь легко.

Там, наварив компот,
Мама тебя ждет.

9. Основание

Нету слаще вишен, что бабушка посадила,
А в том доме, что дед построил, тепло зимою.
Я хожу к ним в мае, когда зацветут могилы,
И сажусь посеред, и они говорят со мною.

Дед смеётся, а бабушка всё мне дает советы,
Я молчу, и меня обнимают потоки света.

відміни: російська мова “дозволяє”, на відміну від попереднього прикладу, так само тікати від міліціантів, як і од міліції. То в чому ж “фішка” цієї правки?

Варто, мабуть, розібратися зі стосунками ліричного героя з Законом: в оригінальному творі та в його редагованій варіації. В оригіналі героя забрали в милицию, де він просто і безпричинно (себто без авторської аргументації) тихо плакав, тому він так і не став бандитом (натомість бандитами стали те, другие) і, зрештою, так і не навчився убувати от милиционеров. Зазначимо, хіба, що, оповідаючи свою пригоду з міліцією в шести-семилітньому віці, наш герой вживає такі вирази, як “потребовал бы адвоката” “привлекли”, “о моем досрочном освобождении”. І варто мати лиш трохи почуття гумору, щоб зрозуміти бодай іронію ставлення себе-дорослого до себе-дитини. У редактора – героя забрали в милицкий участок, де він не просто так собі тихо плакав, але плакав, плохо осозная преступные действия, так і не став правонарушителем, і не навчився “убегать от милиции”. Для повноти образу відредагованого героя цій остатній фразі не хватає слова “сотрудников”. Однак іронія оповіді пригоди школярика з міліцією втрачена і без того. Але це – півбіди. Те, що герой не навчився тікати від міліції, попри його власні спроби запевнити чатача, що “правопорушником” він так-таки не зробився, звучить щонайменше двозначно: для чого-бо “неправопорушникові” подібне вміння? Себто невміння, так само, як і вміння тікати од міліції ставить героя у цілком певні стосунки з Законом, втіленням якого, наразі, міліція і є. Ці стосунки такі, що герой опиняється по один бік, а міліція-Закон – по другий.

Зовсім інше діло з убувати от милиционеров. Ця фраза не стільки говорить про стосунки ліричного героя з Законом, скільки – з людьми; ще раз відсилаючи читача до епізоду з його дитинства, натякаючи водночас на те, що, хоч бандитом герой не став, але усе ще втрапляє у ситуації, в яких перед лицем представників цього самого Закону, яким він від часу до часу якогось дива, буває, приглянеться, хочеться просто тихо плакати. Вочевидь редактор подібного нюансу Євгенової оповіді не відчув.

Так само редактор не відчув іншого нюансу (про момент самоіронії героя оригінальної оповіді я вже й мовчу). Усе діло наразі в лексиці оповідача та в тому, як вона його може схарактеризувати. Такі вирази, яких не почувеш в жодній бесіді, крім бесіди фахівців (з нефахівцем під час допиту, радше всього), – милицкий участок, преступные действия, та правонарушителем – характеризують відредагованого героя таким, що він не лише є громадянином, який поважає Закон, але й цілком можливо, а то й напевне, що він Закон здійснює. Тож цілком послідовно у цьому про-

токольному ряду мав би стояти якраз вираз “убегать от *сотрудников милиции*”. Позаяк же слово “*сотрудников*” опущено, вся фраза *мальчишкой, так и не научившимся убегать от милиции* характеризує відредагованого героя належним до протилежного Законові табору – таким-собі “фартовим парнем”, “романтиком” за популярною після фільму “Джентльмени удачі” схемою: “украл – выпил – в тюрьму...”

Спробуємо підбити перший підсумок: редактор виявився не вельми чуливим, притому – не лише до оригінального Євгенового тексту, але й до власної правки.

З уявою в пана редактора також якісь негаразди. Він пише про “*кабинет, почему-то очень напоминавший средневековую крепость (такие изображались в учебнике истории)*”. (Остатнє твердження – просто брехливе: по-перше тому, що першокласники не вивчають історії середніх віків; по-друге тому, що дорослий герой оригінальної оповіді *почему-то* про цю обставину не згадує, себто джерело знань дорослого про стиль середньовічної архітектури подібної аргументації не вимагає.)

В оригіналі сказано, що це був просто якийсь кабінет, *расположенный на втором этаже сделанной под средневековые крепости*. Себто йдеться про будівлю, яка не нагадує фортецю, але є фортецею. І бай-дуже – перебуває герой зовні чи в середині її. Не з середньовічного кабінету (як у редактора) визволяє героя батько, але з вочевидь неприступного *средневекового замка*, в якому мала би бути ще й якась невідомість – застінок абощо. Герой саме *тихо плакал* очікуючи її, а не *плохо осознавая преступные действия*. Але.

Середньовічна фортеця-замок безумовно асоціюється у нас з високими зубчастими стінами та баштами. Можна також уявити собі, як виглядає середньовічний “кабінет” (що він може бути або справдешнім кабінетом алхіміка, скажімо, або якраз застінком у значенні катівні). Але уявити кабінет, який нагадує середньовічну фортецю, себто оточений чи обрамлений мурами та баштами (до того ж – це кабінет дільничного інспектора, варто припустити), цього я не годен. Нехай би редактор мені це діло намалював. Може я тоді йому й повірив.

Гадаю, висновок другий щодо особи редактора повторювати не варто.

Я не спроможний також проаналізувати підставу, на якій редактор вимарав згадку про *публичный дом, который уже вывели на чистую воду*, позаяк це вже стосується не проблеми редагування, але – цензурування. Хто у нас має право бути цензором, треба дивитися Конституцію України.

Натомість звернуся до самого предмета оповіді. Євген пропонує нам послухати коротеньку історію його стосунків з вулицею Лягіна.

ОДА ДОМУ

В доме – тихо. Спит дитя.
”Дон Кихот” на полке.
Это посверк бытия,
острие иголки.

Спит дитя. А, значит, я,
к умиленью жен,
на приколе бытия
бытом пригвожден.

Это – счастье. Это весть
солнечного зайца.
Это силится присесть
миг на кончик пальца.

За портьерой – кабинет
манит новой книгой.
Тише рабства в мире нет,
чище нету ига.

Это – Мир. И это Дом.
Дом, в котором птицы
гнезда вьют под тем углом,
чтобы мифу сбыться.

Тихо в доме. Мой уют
справедлив и строг:
кесарю не воздаю,
Бог – ссужает в долг.

Как сушит губы, души как палит.
 То жизни наши прожигают наши феи,
 ночные бабочки сжигают сельский скит.
 Пейзане мы. Пизанцы мы из Пизы.
 Пиратский стяг взмывает на флагшток.
 Мы, беспортошные, без паспорта и визы
 накроём Пизой Запад и Восток.
 ...Придет зима. Как прежде приходила.
 На башне станет купол золотой.
 Крыло архистратига Михаила
 нам поле дикое укутает собой.

ВЫНИМАЮТ РАМЫ

Дождь над Солярисом...
 Там первый гром отпрянул.
 Туда, где солнце с мальчиком играет,
 где гроздь капель сыплет купина
 и майский жук коробочку щекочет.
 Все живы. Кот следит за пеной кружев,
 которая охотника волнует
 да в голову кошачью бьет вином.
 Игристой и зеленой погремушкой,
 что невзначай за полог закатилась,
 но не достать ее – ни веником, ни шваброй,
 ни всей судьбой...
 Там мама молодая моет раму.
 Стекло звенит. И брызжет кровь из пальца.
 Кот прыскает на дерево. А квочка
 кота и маму урезонивает шумно
 за мотовство и праздность. Будет праздник!
 Коль живы все.

И вынимают рамы.

Сегодня мне Тарковские приснились.
 Отец и сын.

И мама молодая.

Саме вона предметом його оповіді і є. Позаяк же з відредагованого тексту оригінальна назва шезла (мініатюра оприлюднена у добірці за назвою “Мои улицы (эссе)”), редактор дозволив собі дещо нечуване: вставивши, спершу, згадку про історичну назву: *бывшая Рождественская*, – наголосивши, що на ній розташований *Рождественский храм* (замість просто *церковь* ув оригіналі), редактор доредагувався до того, що, *улица* (в оригіналі, звісно ж, Лягіна) *Рождественская играла и продолжает играть заметную роль* в житті відредагованого героя.

Сказати, що тут редактор не відчув якогось нюансу? чогось не додумав? чогось недоуявив? Сказати, що тут він мав якісь цензурні рації? Ні. Тут ми маємо справу з чистим актом сваволі, з насильством, з гвалтом тексту особою, яка зловжила своїм службовим становищем.

На цьому я свій аналіз закінчу. Зауважу лишень, що рубрика газети “Відкритий урок”, де сталося усе це неподобство, називається “Кафедра культури”.

Літера Н.

Клуб журналу

у 6-му філіалі центральної міської бібліотеки для дорослих (вул. Будионного, 33Б) збирається щодвятижні в суботу о 13.00

Наступні засідання

у поточному році: 20 листопада,
 4 грудня та
 18 грудня
 у наступному році: 15 січня
 29 січня
 12 лютого
 26 лютого
 12 березня
 26 березня

Анатолий Заводюк

БУДНЬ

КАРТИНА 1

Комната Шута. Горит лампа. Присутствуют Гадалка и Жена Шута.

За сценой:

Стук, видимо, в ворота. Настойчиво.

(Наверное) Стражник (неохотно): – Камелот закрыт... Король почи-
вает... Завтра с девяти...

Голос: – Как Камелот!? Это разве не Эльсинор?

Стражник (терпеливо): – Эльсинор дальше. Прямо. Недели через пол-
торы.

Голос: – А прямо, это... туда?

Стражник: – Туда, туда.

Гадалка: – ... и жизнь у тебя тогда начнется просто на зависть всем.
Вот, и деньги тебе выпали, и наряды, и перемены к лучшему, и казенный
дом со всеми удобствами, и на душе полный покой.

Жена Шута: – Ох, хорошо бы!

Гадалка: – И муж у тебя будет степенный, хозяйственный и серьез-
ный.

Жена: – Ну да, а мой куда денется?

Гадалка: – Это вопрос?

Жена: – Да нет... Все равно это вранье. В прошлый раз ты нагадала
мне неожиданную радость, а я колючку потеряла.

Гадалка: – Так то, может, я ошиблась или ты неправильно поняла.

Жена: – Хорошенькая ошибка! Ты так и сказала тогда – «радость», а я
хватила через час – нет кольца!

Гадалка: – Ну, может быть... в конце концов я не профессионалка в
этом деле... А, знаешь, можно ведь подстраховаться!

Жена: – Как это?

Гадалка: – А после каждого ответа переспрашивать у карт, не врут ли?

Жена: – Ну, спроси...

Гадалка: ... – Не врут!

Жена: – Все равно, мне как-то не верится.

Здесь кто-то строит желтый мир,
Мир одномерный. Односложный.
Одно в природе непреложно:
озона – мало, много – дыр.

Я на свою природу зол.
Добавит лето мне отравы:
нет виноватых, нету правых,
есть – беспредел и произвол.

Тщету я эту невлюбил.
Какой-то пакостный художник
в пейзаже желчном подорожник
как юбку шлюхи заголил.

Везде – безлад и бесприют.
Но сон Иакова мне снится,
как будто лестница кренится
и ангелы по ней снуют.

ПИЗАНСКАЯ БАШНЯ (из Дмытра Кремния)

Я в Пизе был. Я близко был от башни,
которой предо мной не устоять.
Я – независимый. Вожу я с башней шашни,
я с ней живу и прячусь в ней как тать.
Который час? – Имперский. Глушь в колонии.
Диагноз у колонн – ростральный приапизм.
Мы вышли из Египта, Вавилонии,
вернее, из несметных местных Пиз.
А я надеялся – на башенном карнизе
пробьется деревцо, прольется благодать.
Мы все – пизанцы. Все мы в вечной Пизе.
Нет, нам не выстоять. Нет, нам не устоять.
А я карабкаюсь. С изнанки. Из-под низу.
Я закаляю крылья, рамена.
Здесь кто-то был. Но всех послали в Пизу.
Не видно и следа, истерлись имена.
А в нашем Диком Поле – суховеи.

Сергей Пискурёв

Дождь Над Соларисом

МАКУШКА ЛЕТА

Какой безлад и бесприют.
Как холодна макушка лета.
У лета песенка допета,
а новой песни не споют

ни шмель, ни муха, ни комар,
ни лист, шершавый и тревожный.
Одно в природе непреложно –
экологический кумар.

Мой мир обузился. Удрал
сверчок. Не досчитал я твари,
которая всю ночь в ударе
мне свиристела до утра.

Здесь кто-то строит желтый дом,
желток взбивает на известке,
у жалкой жизни рвет железки,
не оставляет на потом.

И лету срама не прикрыть.
Как моль платки да одеяла
до срока осень изжевала
и лету осадила прыть.

Я в этом мире – старожил.
Нет, мне не нравится все это,
когда у жизни честь задета,
чтоб в жилах стынул хлорофилл.

Гадалка: – Это дело твоё... Но, вообще, ты какая-то... не угодишь.

Жена (размышляя): – А, может, мой повышение получит?.. Старший-то шут уже старенький, после хорошего подзатыльника и встаёт уже не сразу, и болеет потом?..

Гадалка (о своём): – А чтоб получалось обязательно как надо, на картах нужно посидеть. И хорошенько! Не так, как ты всегда. Карты от этого как бы набираются чего-то. Типа информации о клиенте.

Жена: – А почему не полагается их, скажем, подержать на груди, у сердца? Так, вроде, правильной? Сидим-то мы чем...

Гадалка: Это не я придумала – так полагается. Но, давай попробуем. На, поддержи, как хочешь.

Жена (прижимает колоду к груди, замирает): – Вот! Спроси теперь у них – будет мне счастье?

Гадалка: – Я так и знала! Это я могу и без карт, тоже мне!..

Жена: – Мне говорили... Ты ж колдовать умеешь?

Гадалка: – Ну, немножко...

Жена: – Так наколдуй...

Шут (входит): – Духа вызывали? (за сценой бьет колокол). Здорово я подгадал. (Считает удары) Интересно: оказывается сейчас ровно полтринадцатого ночи – шутников развелось, смотрю...

Гадалка: – Ну, я пошла...

Жена: – Да, да..

Шут: – Вот именно..

Гадалка: – Доброй ночи, значит.

Жена: – Да, да..

Шут: – Пока, ходячее суеверие.

Гадалка уходит, Шут выпрямляется, сопит, чертыхается, растирает спину, ноги, переодевается в домашнее, колпак остается – привычка.

Жена: – Опять ты поздно...

Шут: – Да старший наш задержал.

Жена: – И что ему от тебя надо – всё ж говорено-переговорено.

Шут: – Инструктировал насчет дня завтрашнего: что говорить, что не говорить на приёме подданных по личным вопросам. Как обычно.

Жена: – А я волноваться собралась – давненько ведь объявили, что король наш уже почивает.

Шут (передразнивает): – А ну тихо, сволочь – король спит, сволочь! Так?

Жена: – Примерно... Вечно ты... Есть будешь?

Шут: (неразборчиво бормочет)

Жена: – Есть, спрашиваю, будешь?

Шут: – Я же сказав «угу!», що в перекладі означає: конечно, розуміється, непременно!

Жена (собирає на стіл): – І чим ти тільки на королівських пирхах займаєшся?! Небось, ні одної юбки не пропускаєш?

Шут: – На пирхах я працюю. Практично, сама робота тоді і починається... Ух, як пахне!.. Да... працюю... Люди люблять сміятися і повинні сміятися. Інакше мене вигонять... Жена, а з якого це всенародного свята у нас ножи стали гострі? І цей, і цей?

Жена: – Ах, сударь, ви мене повністю розбавили! Вбачу я, як-то – ніт у мене чоловіка в домі, помучилась тоді трохи з совістю і завела себе однажды молодого, здорового...

Шут: – ...кота.

Жена: – Чому це – кота?

Шут: – Да це із мультика, старого. Так це Палач заходив?

Жена: – А хто ж ще.

Шут: – Як він? Сто років не бачив.

Жена: – Говорить – нормально. В останнє час, говорить, роботи практично ніт, так він сам запросив на нічну зміну, щоб щось там обробити спокійно і без шуму... Говорив, у них скоро якась-то аттестація повинна проводитися. Надіється, що йому класність підвищать.

Шут: – Да, я слухав. Їх регулярно перевіряють, не розучились ли... Це ж який жах буде, якщо когось зарежуть неправильно! Да?

Жена: – Ти їж, не відкладайся, бери м'яса більше.

Шут: – А ти вже їла?

Жена: – Да, давно. Як зрозуміла, що ти знову опоздаєш, в сенсі – прийдеши пізно... Їж більше: отошав же – поглядати больно.

Шут: – Це погано, якщо больно, це непрофесійно.

Жена: – Палач ще говорив, що якийсь новий спосіб чогось придумав, новаторський якийсь. Ефектний, говорив, дуже. Говорив, якщо все буде, як він задумав, – його на руках носить будуть. Вообще, він парень толковий і непоганий, вроді, як будто. Производить дуже, знаєш ли, серйозне враження!

Шут: – Ну і цілуйся зі своїм Палачем...

Жена: – Хорошо, раз ти не дуже проти...

Шут: – Или це я всмерть голодний, или хто-то таки навчився сносно готувати... Так що там?

Жена: – Он ще говорив, що якщо все у нього вийде, як він надіється, то він міг би взяти тебе до себе...

Шут: – Учеником що ли?

Жена: – Ну, може, спочатку... Но там навіть ученик отримує... Ти би подумав?..

***

і буде день коли з газетних шпальт
дізнаєшся що світу більш нема
прочиши вікна в замілкій асфальт
де янголи блукають небокраєм патлаті і
брунатно-босоногі і крила воском
скрапують з плеча а рай зачинено мабуть
на переоблік і білі коні підвіконням
мчать

***

графіне
у затінку вашої спальні
розгрішений кайн
зурочений кальвін
синьоро
у сутінках вашої знади
розвага й розрада
маркіза де сада
мадонно
у пошесті вашого міста
бурштинове листя
з-під хворих повік
на зраду
на спомин
до скону
навік

раптом зволожілу долоню срібlistу рибину ключа на червоному капроновому шнурку (“гуртожиток.., наш, академський.., тільки на одну ніч..”) – от тоді, тієї миті я й помру, помру негайно й назавжди, тобто, заплескаю в долоні, і обійму тебе, і цьомкну в розпашілу щічку, і навіть допоможу тобі розстелити на нашій канапі, на твоїй канапі нову-новісіньку, чорну зі срібним візерунком білизну. А за десять до восьмої ти зачиниш за мною двері, дівчинко моя, рівно за десять до восьмої ти зачиниш за мною двері, і сходинок випорснуть з-під ніг драним смітниковим котярою-халамидником, і заплечник обриватиме рамена непідйомністю двох яблук і одного Губермана. А потім буде трамвай – невідворотній, як доля, з більмом реклами на задньому склі; похмурий водій п’ятаками відраховуватиме здачу, раз у раз збиваючись, і, відрахувавши нарешті, збентежено огляне порожній, абсолютно порожній салон, у якому, невідомо звідки й навіщо, тихенько лунатиме:

Happy New Year
Happy New Year
May we all have a vision now and then
Of a world where every neighbour is a friend
Happy New Year
Happy New Year
May we all have our hopes, our will to try
If we don't we might as well lay down and die
You and I ...

Граф. Лілеї. (“Три мушкетери”)

непотрібна страта-дежа вю
ренесансні збочення гравюру
пробачати-боже ремесло
графський парк закутий у дощі
квіткою латаття на плечі
недогар’я свічки проросло

Шут: – Хорошо, хорошо, подумаю. (Неожиданно падает из-за стола) Как, смешно?

Жена: – Вроде не очень... Не знаю... Мне не смешно.

Шут: (размышляя) – Может опрокинуть на себя что-нибудь?

Жена: – Горячее?

Шут: – Нет, горячее лучше на соседа... А может получится и неплохо!?...

Жена: – По-моему – глупо.

Шут: – Ну, я ж не гений какой-нибудь... А королю нашему, Артуру, я, думаю, понравится, если я правильно угадаю, кому он желает кипятка под доспех...

Жена: – Как там наш король?

Шут: – Нормально, жена, нормально... Обещал вот меня завтра повесить.

Жена: – За что?!

Шут: – За шею, видимо. Традиционно... Видишь ли, собачка Гвинервины, ну та, черненькая, на меня растяжалась – я её для смеха поймал и кусил. Все чуть не померли... Но когда потом оказалось, что она захромала – королева психанула... Разоралась, как... А Артюшка наш просмеялся, посмотрел на часы и говорит жене, что сегодня уже поздно, пересядь у палачей. Пока их дозовёшься. Так что, лучше он велит меня завтра...

Жена: – И что ж теперь?

Шут: – Посмотрим... Может придумаю что-нибудь... Но ты готовься, на всякий случай...

Жена: – Хорошо. Вообще-то я... А что ты придумаешь?

Шут: – Не знаю... Тот фокус, когда я спрятал под одеждой страховочную веревку, Артюшка наш, боюсь, еще помнит...

Жена: – Да – это было здорово! Повесили тебя, висишь себе смирененько, а когда король наш заскучал и собрался уходить ты вдруг и спрашиваешь – прикажет ли он сопровождать его или ты будешь так вот без толку тут болтаться и дальше.

Шут: – Откровенно говоря, я тогда со страху чуть не...

Жена: – Ну, мне-то не ври. Не чуть «не»..., а чуть – «да». И не чуть... Король, правда, тогда так хохотал! Никогда я не видела, чтоб так смеялись.

Шут: – Да, я после этого шустро в гору...

Жена: – Ты уже придумал что-нибудь, хоть примерно?

Шут: – Нет... И не торопи! Это ж такое дело... Творческое почти!.. Понимать должна...

Жена: – Да что ж тут не понять.

Шут: – Соседа нашего не видела?

Жена: – Нет. Только слышно: бубнит и бубнит что-то за стеной.

Шут: – Язык учит наверное.

Жена: – Какой?

Шут: – Наш. Он же по обмену к нам попал.

Жена: – Культурному?

Шут: – Ну, если это культура... Позовем его? Посидим?..

Жена: – А вы знакомы?

Шут: – Так, чуть-чуть. Недавно Ланселот опять не мог сам встать из-за стола и в автоматически изысканном режиме обратился к нему, мол, любезный сэр, помощи, твою мать! А он ему спокойненько говорит: «На себя посмотри – сам ты сэр, рожа рыцарская!» Артюха, я думал, помрет со смеху. Но обошлось как-то.

Жена: – Конкурент, выходит. Ну, зови, покормим.

Шут (колотит в стену): – Иван! Эй, Иван! Зайди, если не спишь.

Иван (входит): – Здравствуй, здравствуйте, хозяйка, я вот сосед ваш, Иван-дурак. Всё вот собирался к вам сам, но так как-то...

Жена: – Очень приятно. А я жена его.

Шут: – А ты, это... не слишком преувеличиваешь?...

Жена: – Ну, почти жена, ладно. До чего ж мужик пошел запуганный! Поужинайте с нами, прошу, составьте компанию... А вас так и называть надо? Иван-дурак? Это вроде полного имени?

Иван: – Вообще это так дома, чтоб не перепутать с кем. А здесь, за границей, тезок практически нет, можно, думаю по-простому, мол, Иванушка-дур..., короче – Иван я.

Жена: – А, извините, это «дурак», это профессия или призвание?

Шут: – Приятно, черт возьми, присутствовать при столь светской беседе. Оно тебе надо?

Жена: – Не мешай. Так?..

Иван: – Не знаю. В какой то степени это у меня может даже и наследственное. И отец у меня был дурак каких мало, и дед... Светлые были люди, прекрасной души, по крайней мере насколько я помню.

Жена: – А не обижаются, если кто незнакомый?..

Иван: – Да чего ж обижаться, если это правда?! И привык уже. Поначалу, как подросток достаточно, всякое бывало: он мне – дурак, а я ему – в ухо. Многих отучил было... Потом отец пару раз мозги вставил куда надо и уже пошло все нормально.

Жена: – Но тяжело это наверное – все время так?

Иван: – А чего ж тяжелого?! Ведёшь себя по дурацки и всё!

Жена: – А как это?

Иван (откровенно ухмыляясь): – А вы не знаете?

Жена: – Да-а... Ой, что ж это я. Вы пока поговорите, а я быстренько тем временем... (Собирает на стол.)

ні, це не рубець, це колишня класна керівницка, я її любила дуже, а потім мені її видалили..., амбулаторно, в польових умовах; навіщо? хіба ж я знаю навіщо, просто так склалося, напевне, я тоді ще маленька була й дурна, тому подробиць не пам'ятаю, пам'ятаю хіба, що стало краще, хоча довелося майже два тижні лежати, але тепер файно, тепер я взагалі там нічого не відчуваю... Де саме? – ні, це просто родимка, у мене їх кілька, є ще під пахвою і на стегні, я колись соромилася, а тепер перестала, ні, вони не турбують зовсім, просто мене колись подруга зрадила, я її спробувала звести, хто ж знав, що не вийде... Де са... Ні, на це не дивися, і торкатися не треба, будь ласка, я тебе дуже прошу; ні, лікувати не пробувала і не буду, все'дно дарма, не кажуть вони нічого, себто, кажуть, але я не збираюся це видаляти, і без того забагато рубців, ніяка я не мазохістка, ну то й що, що болить, значить так треба, так, я знаю, що виглядає воно не дуже, але що поробиш, хіба ж я винна, дівчинко моя, хіба ж я винна, що народилася тобою назовні...

23.08.2003

***

Дівчинко моя, моя руденька дівчинко із очима кольору перестиглого світлого винограду, відпусти мене, не відпускай мене. Так і будь – од мене на відстані НЕ-доторку, на відстані поштового штемпеля ніжності, так і живи, а ближче не підходь. Ти тільки не підходь ближче, і я вимурую нам будинок, дівчинко моя, я вимурую нам будинок там, побіля самісінької райської брами, де вододіл твоїх бажань, моїх бажань, де перехрестя мого смутку, твого смутку, мого смутку. Ми перевеземо туди всі твої іграшки й мої іграшки, твої книжки й твоїх ляльок – ти ж маєш ляльок? ні? авжеж ні, тобі вони ніколи не подобалися, – ну, добре, і твої щоденники перевеземо також; ми повісимо на шафу постер з Брайаном Меєм, дошку для гри в дартс і ще що-небудь, а втім, ні, дошку краще на стіну, подалі від дзеркала..., у ванній твоїй будуть перебивні картинки, а на кухні шандал у вигляді хвацького мушкетера зі шпагою. Я сама купуватиму свічки, дівчинко моя, я сама купуватиму свічки, тому пальці мої повсякчас тхнутимуть великодньою задухою розтопленого воску й зворушливою гіркотою палених сірників. І ми житимем, житимемо вранці, вдень і ввечері, а вночі я знов і знов прокидатимусь з вибіленими відчаєм очима і свинцево-обважнілим серцем, здійнявшись на лікоть, дивитимусь на тебе, сплячу, і думатиму, думатиму: от і все, от і збулося, тепер уже по всьому, тепер байдуже де, коли і як саме, адже нічого страшнішого ТОЙ вже не вигидає... Зриваючи нігті, прокиратимусь я крізь наше щастя, дівчинко моя, і коли, збентежено-урочиста, ти недбало тицьнеш у мою

НЕАЛЬБОМНЕ

Ользі

*...Ты по моей прошла судьбе,
Но слава Богу, лишь в начале...*

В. Доліна

* * *

Віддай мені – мене. Поклади де взяла, поклади негайно і не займай, адже не можна, це неправильно так, щоб у друзки, щоб навідліг, не по-божеському це, хоч я в Нього й не вірю, ні, в Арду, до речі, я також не вірю, дарма що й досі ставлю іноді руну замість підпису, так, Таїрні, Таїрні, ламка ялівцева гілочка, але це нічого, це просто так, це тільки серце моє, що вештається довіку по чужих долонях, це синдром маяка.., не чула про такий? і добре, що не чула, бо воно болить, воно достолиха болить, як це чому, а ти не розумієш, він же стоїть, маяк, він лишається на місці й стоїть, а кораблям байдуже, вони припливають, коли їм захочеться, а потім зникають і майже ніколи не повертаються...

* * *

Де саме? – а, це... це так, нічого... тут у мене перше кохання було, його зламали, воно зрослося неправильно, і я його ламала ще раз, і ще... а потім довелося взагалі ампутувати. Ні, вже ні, вже не болить, тільки на зливу, чи коли продивляюся старі світлини, але я звикла, чесно, мені зовсім не боляче, можеш навіть помацати, якщо хочеш... Де саме? –

КАРТИНА 2

Шут: – Да, извини. Устраивайся, брат. Сейчас мы...

Иван: – Да нет, сегодня никак не получится. Гость там у меня. Никак не уйдет. Так что... если ...или давайте ко мне?

*Жилье Ивана: Обстановка спартанская, но в углу рыцарские доспехи.
В комнате Иван, Астролог, Шут.*

Шут (заканчивая анекдот): – А она ему говорит: Да как же я могла не спутать его с вами, дорогой муж, если все было практически то же самое, что всегда, только самую малость гораздо лучше!

Иван: – Ги-ги.

Астролог: – Присоединяюсь. Именно: «ги-ги»!

Шут: – Это в конце концов просто не вежливо! Стараешься тут для них...

Иван: – А ты не старайся – мы ж тебе не короли.

Шут: – А король, кстати, тогда тоже не больно реагировал. Зато королева!...

Астролог: – Доболтаешься, парень!

(*Опять настойчивый стук в ворота за сценой.*)

Кто-то: – Эй, кто-нибудь! Эй, мать вашу, кто так службу несет? Сюда неси! Ну страна, ну раннее средневековье! Когда ж оно кончится! Эй там, скажет наконец кто-нибудь, где это меня черти всю ночь несут?

Стражник (спросонья): – Это Камелот, сударь, Камелот, только не надо больше так орать, а то, ей богу, стрельну.

Кто-то: – Вот черт – Камелот! Это серьезно... Только где ж всё остальное делось!? Ну, ладно, привет королю.

Шут: – Да-а-а.

Астролог: – Слышь, Иван, а водочка что, кончилась?

Иван: – Да ну вас, иностранцев! У меня уже последнее ведро осталось!

Шут: – Не жадничай, коллега, не жадничай.

Иван: – Да как же не жадничать – не восполняется ведь!

Шут: – Не переживай, найдем способ. Вон Звездочет сядет завтра же и в книжках своих что-нибудь полезное вычитает.

Астролог: – Я не звездочет! Тысячу раз тебе это говорил. Делать мне больше нечего, как их считать.

Шут: – А раз делать нечего – придумай рецепт и как перегонять в наших реальных бытовых условиях.

Астролог: – Ну, это не проблема, это запросто.

Шут: – Так придумаешь?

Астролог: – Придумаю.

Шут: – Точно?

Астролог: – Абсолютно.

Шут (Ивану): – Можешь наливать, фирма гарантирует.

Иван: – Врёшь ведь! И ты, и ты врешь! (Из под кровати аккуратно выдвигает ведро, бережно ставит на стол. Шут и Астролог по очереди заглядывают под крышку.)

Шут: – Теперь как-то, вроде и пить уже не так хочется. Пока...

Астролог: – И мне.

Иван: – Ну, тогда... (Делает движение убрать).

Шут и Астролог (в один голос): – Нет, нет пусть стоит!

Иван: – Как хотите... А я вот, пожалуй, ещё глотну. Где-то был у меня черпачок для этого? Специальный!... (Ищет, роняет доспехи. Они не ставятся обратно. Только совместными усилиями, с трудом, удается вернуть тяжелому железу вертикальное положение.)

Шут: – Вот это дело надо... того... (Наливают, выпивают.)

Астролог: – Жуткая штука!

Иван: – Нормально! (Смотрит на часы.) Тридцать секунд – полёт нормальный!

Шут: – Это откуда?

Иван: – А черт его знает!

Шут: – А где ты взял эти железки?

Иван: – Не поверишь – нашёл!

Астролог: – Да ну! Они ж бешенные деньги стоят, тем более сейчас!

Иван: – Не знал... Вечером шёл домой сегодня, вчера то есть, вижу – валяются. Дай, думаю поставлю у себя, вроде, как не один буду... Тяжелые, сволочь! Еле допёр по лестницам этим вашим... Ну кто так замки строит, мать его!...

Шут: – Завтра, то есть сегодня, какой-то олух хватится – вот смеху будет!

Астролог: – Продать их можно будет. Так или на металлолом.

Иван: – Не-а. Я чуть не помер, пока доволок, а теперь обратно?! Да и какой из меня торговец – пусть лучше стоят (доспехи падают) или лежат, черт с ними.

Входит Жена Шута, мужики двигаются, ухаживают, как могут.

Шут: – Звездочка моя, где ж ты так долго... (обнимает), не получилось у бедняжки заблудиться, да?

Жена: – К приятелю твоему ходила, палачу. Обещал сейчас отпроситься с работы. Ты что-нибудь придумал?

Шут: – И думать не хочу, надоело.

Жена: – А Артур забыть может?

Перебираю стопки газет,
Купаюсь в пощечинах названий и дат,
Его уже нет... две тысячи лет
Я становлюсь глуп от того, что он рад
Он замолчал, я завернулся в плед
Поезд стучал, он обернулся в закат.

10. 12. 2002г.

ОН ПРИШЕЛ ИЗ ТРИЕСТА

Ами заплетает в волосы узоры Триеста.
Она ждет ребенка.
Ами заплетена в красное и желтое.
Она китайская коммунистка, опровергающая любые режимы.
Ами живет жизнью других.
Она альтруистка, любящая только свой эгоизм.
Ами видит перед глазами буквы.
Она изучает литературу, но ненавидит читать.
Ами следит за передвижением ртути.
Она предсказывает погоду, но не переносит жару и холод.
Ами сматывает киноленту.
Она смотрит кино, но хотела бы играть сама.

« В конце концов он уехал в Триест. И не носи он такую импозантную шляпу, я бы назвала его подлеском.» Но он привёз Ами стакан воды. И перескочив 24 лестницы, повалился на рваную простынь.

Изнутри похожа на консервную банку. Блестит. Много прорезей, как будто в нетерпении. Загляну.

ПОЕЗД В НОЛЬ СВЕРШЕНИЙ

Когда проходят времена великих печалей
И кремовая струйка эдельвейса вырастает в твои суставы
Ты становишься рад, что я глуп
Я остаюсь нем от того, что ты потерял в жидком стуке витрин
В прозрачном шуме стекла
В сплошных вагонах истерий
В смешных колесах историй
В неспешных криках апорий
Преследующих кремовые реки Великих морей.

Нежный халат с пурпурными журавлями. Апельсиновый рай. Лист бумаги сделал два «па», вывернулся, взметнулся и уклонился в блестящем реверансе. Рукав едет по потным стеклам и вытирает пыль лет.

– Вот стекло, под которым продают хрустальных журавликов. Они льются вам в глаза и вызывают острую ностальгическую реакцию.

Медный кипарис в три обхвата фыркает и выстреливает две щепотки хилых листьев. Они въезжают в наждачную бороду ветра и льют в его уши минорную ткань контрапункта.

– Под этим – журавликов делают из тростника. Они угловаты, просты и приятны для седин вашего морщинистого восприятия.

По стеклам – полоса апельсинового рая. Воспринимается пахнущей и неморщинисто приятной.

– Это стекло запечатлело в себе секрет приготовления журавлей из стеблей фиалок и плотных лепестков тюльпанов и ромашек. Они напоминают мои дорогие леса и почти поют, если дотронуться до них исподтишка и как можно тише. Это тихие журавли.

Их место среди хищников, коих больше, чем самих деревьев.

Одно стекло он разбивает. Случайно. И в открытый излом помпезно вкатывается двухмерный апельсин с соком заката.

Я, чертивший золотой круг с капельками свежести на стене, и в нём разглаживавший морщины на своих мокрых глазах, а также слышавший, как брили ветер и видевший, как обнимали друг друга цветы у небритого подножья гор, несусь по воздушному поезду печали в поисках одной радужной полосы, рассеченной трещиной, –

Шут: – Может...

Астролог: – Нет, ребята, это не выход. Да если он и забудет так, например, я обязан ему утречком напомнить о всех принятых накануне решениях.

Жена: – Почему?

Астролог: – Как почему?! По должности! Вот, смотри сама: вот перечень чего он наговорил. Как же это я вычеркну?

Шут: – Не приставай к человеку. Сказал «не может» - значит...

Палач (входит, здоровается), Шуту: – Я своим сказал, что зуб болит. Так что не переживай, если что – я сделаю все в лучшем виде. Ты придумал что-нибудь?

Шут: – Нет. Голова что-то совсем не варит. Наконец.

Палач: – А что это вы здесь пьёте? О, водочка!

Иван тяжело вздыхая наполняет его стакан.

Палач (выпивает): – Ух, змеюка – вещь! Какое просветление сразу! Перед казнью её хорошо бы давать ... и сразу после...

Астролог: – Да кому она после нужна?

Палач: – Мне! Нам! Думаешь мы железные? Думаешь нам не жалко? Не всех, конечно...

Шут: – А меня жалко?

Палач: – Жалко, просто страшно жалко!

Иван: – А как ты ему поможешь, если он ничего не придумает?

Палач: – Ну, это вопрос чисто технический! Самое простое – под одежду подвязать килограммов двадцать-тридцать. Тогда шейка сама – хрусть и все. Очень простой, чистый и эффективный способ. И практически не больно, говорят.

Шут: – Не больно – это хорошо. Это я люблю.

Иван: – Да-а, ты, парень, еще и гуманист...

Палач: – Ты давай, выбирай выражения!.. На всякий случай! Может и сам ты гуманист, если присмотреться и хорошенько порасспросить...

Астролог: – Вы... пока не поздно, ребята – хватит. Как дети, ей богу.

Иван: – Ничего не понимаю! Чего он взвился, он что, мои мысли о себе прочитал? Ты не феномен случаем часом?

Палач: – Нет, я пойду, пожалуй, от греха... Извините, если что не так... (Шуту) Так будь спокоен... И еще я хотел... Если таки... ну, сам понимаешь... Я, если ты не против, к ней, к твоей, подкатываться буду... Хорошая она, пропадет...

Шут: – А? Да, да, конечно... Сами разберётесь. Доброй ночи...

Палач уходит.

Жена: – Здорово ты! Раз, два и все решил!

Шут: – Ну не начинай, пожалуйста, и так тошно.

Жена: – А мне не тошно? Я, может, шутёнка хотела тебе родить!

Шут: – Ну-ну, перестань. Я ж сказал не что-нибудь там конкретное. Сказал – сами разберетесь. Собственно так и будет...

Жена: – Дурак ты, ничего не понимаешь...

Шут: – Дурак...

Астролог (Ивану, отвлекая): – А... Я могу тебе отличную крысоловку подарить, дать попопльзоваться.

Иван: – Нет у меня крыс. Жрать им здесь нечего.

Астролог: – Как нет? А это что скребется?

Иван: – За стенкой, наверное.

Астролог: – Нет – оттуда слышно.

Иван: – Сейчас мы её, сволочь!

В охоте не участвует только Жена Шута.

Иван: – В мои доспехи забралась!

Шут (Ивану): – Ты чуть забрало в шлеме приоткрой, а я по корпусу шумну. Только не сильно открывай, чтоб не удрала.

Иван (копается): – Не видно ни хрена, забито чем-то... Господи – голова!

Шут: – Только голова?

Иван: – Не знаю...

Астролог: – А голова-то дышит! Значит и остальное там.

Шут: – Логично.

Иван: – Когда ж он залез?!

Шут: – Да ничего особенного, Ваня, дело житейское. Просто ты припер к себе в виде сувенира не просто доспехи, а еще и рыцаря. Только, чтоб он не падал больше и не ползал по дому, придётся его привязать..

Астролог: – На месяц примерно...

Жена: – А чтоб он не орал, когда проспится...

Шут: – Да. Придется тебе принять дополнительные соответствующие меры, скажем, молотком... А вообще, красиво будет. Потом, когда-нибудь, для полного комплекта в интерьере, найдешь ещё и лошадь. Сама-то она вряд ли... но ты парень у нас здоровый...

Иван: – Так вот почему так тяжело было – хлопек там, внутри, с меня, наверное! Нет, даже больше!

Астролог: – Ну, и что будем делать?

Шут (Ивану): – Что решил, оставляешь? Нет? Тогда на лестницу его и пусть катится... Взяли друженько соколика, и в последний путь... (Уносят, шумят, возвращаются).

Астролог (Шуту): – Ты его узнал?

Шут (Астрологу): – Да я и не смотрел. На кой мне...

Иван: – Ну, еще по одной?

Астролог: – Одобряю идею. Вот эту вот – особенно!

Шут: – И целиком, и полностью, и единогласно. (Выпивают.)

– Вот в этом-то «может быть» всё дело. Увернись от него.

Ком пролетел мимо и сжег ещё две ошеломляющие по протяженности полосы кожи.

Глаза ногами зрачков перебирают ребра рельс.

У него сумасшедшая фантазия... Он просто не оставляет в тебе места для тебя самого. Из тебя все кости лезут наружу от интереса.

– Было такое.

Всклипнули ледяные бессердечные жалюзи. Показалось, я смотрел в окно и всем на смех теперь болтаюсь безголовой каракатицей между молотом и наковальней (избавляюсь от фразеологизмов, тошнит...)

– Китайская проза Средневековья легка, на редкость гармонична, но, естественно, с легкой примесью морали.

«...Химик!» (Моя очередь смеяться).

Плащ. Рельсы. «Ну согласен. Должен, так должен.»

Опершись об уверенный поручень кресла, глотаю зелёный лес китайского зелья... чая. (Ошибки подсознания. Избавляюсь от него!)

Хожу по висящему в разреженном воздухе пару отвара. Зрачками. Стоп кадр! Изучаю. В его мясистой глубине, на самом дне, – похоже две ложки бальзама, две кельмы раствора, два клочка бумаги с напоминанием о тексте, две обидные реплики, три возмущенные оратории, пять прошенных пар, понятно глаз (непрошенные пока на воле), ряд поперечных линий, украшенных сопровождением двух параллельных продольных, лязг металлической боли.

А где проснёмся? Испробовав лекарство на вкус, даст Бог не всуе. Помнится, я слышал об исцелении на горе. Тогда я любил рыбу и иногда отвеживал хлеб.

– Ты поехал?

– Я давно уже в пути.

– Как дышится?

– Как иногда.

– Рад.

– Обескуражен.

– Махнешь плащом когда приедешь?

– Не свидимся.

– Жду.

Над воротами, встрявшими в асбестовый снег, – ступенчатая башня, обтянутая тугим фортепяно. Бас под сводом, скрип – в Аду, наверное.

– Вхожу.

– Нажми на «воспроизведение».

к наполнению собственного рта, что есть необычайная трель кастрюли жареной рыбы, услышав наждачный голос соседа за бумагой стены, или тонкий писк kota с придавленным атавизмом позвоночника. – Вы, который Вы и не менее того, слышите самый слабый, вкрадчивый голос, обращенный именно к Вам и не более того. Он кажется далеким, если вы услышали его, вцепившись в надоедливую пластмассу телефона; он морозный, если показался вам на устах говяжьей головы, притихшей дотолле в холодильнике; он зыбкий, если задрезжал в ветре, ночевавшем на оконной раме и переступившем наконец тёплый рубеж форточки.

Какая разница как вас зовут: Карл, Франк, Бриан, Стэнли, Бенито, Честертон, Ли, Радж, Аристотель, Боливар...

– Боливар! Боливар... (он добрался всё же до минарета, перепрыгнув через 24 лестницы, отделяющих его от божественного солнца полдня, и оказавшись на крыше серого дома). Он крикнул в колодец, позвенел цепью, но сегодня она была свободна от груза.

И ещё один раз. И так, приготовились, пожалуйста крикни ещё раз. Что-то произойдёт, почти точно.

– Боливар, бо-вар-ли-бо-ли-ар...

Из синевы колодца слепой шепот лютни, что-то про него в пелёнках, с сигарой (он улынулся второй раз за день. Мечты сбываются, когда мы проклинаям даже шорох от них), смотрящего на родные Анды.

Лютня – пой, стой, стоп, гоп, останься, катись, приди, – прошу тебя, сейчас, сейчас меня унесёт в тени пустыни, сейчас...ещё подожди, я тоже полон атавизмов.

СОН ПО ФАМИЛИИ “ЭГО”

Снится замок в изоленге тумана.

– Ты должен туда поехать.

– Зачем?

– Удивиться.

– И только?

– Ошеломиться.

– Так вдруг?

– Разбиться. Дать два-три невразумительных ответа и... ну, кровь из носу... просто нужно.

Металлическая подстежка плаща хлещет по носу, и резкая боль переходит в медленную темноту.

А он оторвал выдубленную кожу отсутствия, всё-таки попросил присутствовать в ней... и приехать? Может быть.

Астролог: – Как и положено.

Иван: – Не поверите – прям гора с плеч почему-то!

Шут: – А я, честно говоря, думал, что ты малость притворяешься.

Иван: – Что ты! Мне мама покойная от этого дела отвадила прочно, правда исключительно непедагогичными приемами воспитания. Если хочешь быть как наш батюшка, говорила, никогда не прикидывай, не взвешивай шансы, не учитывай возможности – делай! Раз побьют, два побьют, а потом махнут рукой и будут обходить десятой дорогой. И не дай тебе бог, говорила она, дать повод окружающим усомниться в своих качествах – сразу хана будет! С тех вот пор и стал я полным королем себе: Хочу – пукну хоть в церкви, хочу девку потискать – да будь она хоть пять раз принцесса, раз нравится! Денег мне не надо принципиально, куда я не спешу, по-моему – красота.

Астролог: – Ну, может и не красота чтоб вообще, но где-то, кое-как-то...

Шут: – А по-моему, ты просто мудр. Прелесть что за слово: му-удр-р-р!

Иван: – Будь другом – никому не говори!

Шут: – Наличие у индивидуума общей, так сказать, мудрости, совсем не противоречит проявлениям у него же бытового, житейского идиотизма.

Иван: – Если сможешь то же самое повторить – я, ей богу, запишу.

Жена: – Был бы мудр – совет бы тебе дал толковый.

Иван: – Мне моя мама категорически... А, впрочем, что тут особенного советовать – бежать тебе надо.

Шут: – Куда? С земли?

Иван: – Куда угодно – хоть недельку поживешь как человек!

Шут: – Я и так как человек!

Астролог: – А поймают – хуже будет...

Иван: – Смешные вы люди – «хуже»!.. Ну, тогда хоть выскажи Артуру все, что думаешь о нем.

Шут: – А что я думаю? Нормальный мужик: правит, старается...

Иван: – Ни черта не понимаю! А я бы княжий терем подпалил и убежал бы в казаки.

Астролог: – У нас они не водятся – негде. Может раньше были. Когда-то...

Шут: – Да и какой из меня казак – посмотри на мой профиль.

Иван: – Чего ты?! Профиль, как профиль, я и хуже видел.

Астролог: – А, может, и действительно обойдется, может, король передумает. Сколько раз такое бывало.

Шут: – Может...

Жена: – Дай-то Бог!

Иван: – Кстати о Боге – ты б помолился, что ли... Говорят, помогает.

Шут: – Да ну! Бога беспокоить по такой ерунде. Подумаешь – жизнь! Пошли домой, жена.

Иван: – Жизнь не жизнь, а все равно жалко. Пока, ребята. До завт... пока, то есть.

(Шут с Женой уходят.)

Иван: – Ушли... Чего молчишь?

Астролог: – Да вот... думаю... Еще по одной или хватит того, что уже в организме?

Иван: – А чего тут думать. (Берется за ёмкость, наливать) Вскрытие, как говорится в нашем народе, покажет.

Астролог: – Юмор у вас там... Мне на доньшко, символически.

Иван: – Хватит? Говори.

Астролог: – Ещё чуть-чуть... оп! Оп! Да куда ж столько!

Иван: – Не ори так! Что за проблема – отлей в мой стакан.

Астролог: – Ладно, чего ж теперь. Вот помру...

Иван: – Так. За что?

Астролог: – .... О! За шута! Пусть он там нам место, что ли...

Иван: – Правильно. И это правильно. А как его зовут, собственно?

Астролог: – Кого? А! Сейчас. Сейчас вспомню... Вот же зараза какая... А! Йорик его звали! Йорик! Понял?

Иван: – Да понял, не толкайся. Юрка, значит, по-нашему... Бедный Юрик. Мой бедный Юрик...

Астролог: – Ну, мы будем пить?

Иван: – Будем. Куда ж теперь деться.

Занавеска

Глянцевый блеск ящерицы на цепи. Она выбирается из колодца и делает это нарочито неспешно, чтобы я успел её заметить и остановить.

– Где небо?

– Где знаки знающих небо?

Рвом бездны вычищаются из-под ногтей моей земли.

– Где твоя земля?

– Там, где ты был уже и не помнишь.

Она чешет твои натёртые стопы.

И ты не видишь её слёз.

– Куда я иду?

– К воде.

– Она наплакала её?

– Она отторгла её. Она слила её в колодец и боится прикоснуться.

Нырнет в землю плашмя и исчезает. Остаётся мокрое место.

Сегодня был объявлен день Аргентины. Помолимся под этот звон.

«В Картахене 0°. Ветрено.»

ДВА ВЫСТРЕЛА В УМЫВАЛЬНИК

– Большинство древних мирились с мифами, жили с ними; гладили их, с ужасом или благоговением час от часу отдёргивая руку. Имели к ним доступ. Почему же мы пьём воду из крана? – и радио замолкло, принялось пищать, жужжать, журчать, нашептывая.

А ему чертовски хочется выпить чашку бренди и курить сигары под мостом, слушая любимое созвездие, читая мантры навзрыд и вызывая из воды собеседников к столу.

«Когда каждый зажат в щекочущие клешни дня и ночи, он фактически лижет прямоугольник вот этого дома, не кусает его, а просто стремится протереть его языком, потерявшим свою шершавость в первом бою за искусство делать глубокие вдохи и кривляться перед клешнями хищника. Плюс каждый боится щекотки.

Он вышел, перепрыгнув 24 лестницы, ведущие в церковный воздух утра, одним шагом и схватил бутылку бренди, рванув витрину. Продавщице подмигнул, – и она приняла его за денди, махнув платком вслед. За нарушение дисциплины была тут же превращена в кассовый аппарат.

Рассмешила. Стало приятно во рту от первой протертой дыры. И впрочем легче будет вытерпеть минарет, раз уж ему уже с утра кланяется вся улица.

«Потом каждый, встав с левой ноги и переступив на правую руку, включив голоса из всех возможных мировых СМИ, выключив прелюдию

ПЕРСПЕКТИВА

– На что похожа бессонная ночь? – теплое одеяло у меня во рту, а крылья под зубами ресниц.

– На голос, снижающийся и делающий посадку на тверди бормотания, – пробормотал и спрятал шляпу под пледом.

Со стены из камеры маленькой серебряной рамки мне подмигивает задымленный Христос. К маленькой крепится коридор из рамок всё больших и больших размеров – по возрастающей.

– Далёк...

– Глубок. Перепутан со сном.

Дожуйте и вспорхните ресницами с Христом-домочадцем.

Я флиртовал с маленькой рамкой и крутил дальше, скрываясь за пряхей луж.

ШЕСТАЯ ПОГОДА

Сегодня объявлен день Аргентины. И каждый из нас обязан подумать, что хорошего он, безымянный бесцветноволосый человек с каким-нибудь заковыристым дефектом речи на звуке «ш», сделал для её лазоревых глаз, пышных волос, сотканых их ветвей, с алчущими звонницами в выбритых местах и с древней спиной, прожженной льдом гор по вертикали и наоборот. Сегодня погода на нашем поле в шесть тысяч тонн белоснежных головешек угля провозгласила эпоху тайн и, вычистив все загадки из-под целлофана ветров, оглушила ими алчность, и колокола эхом сделали ей поклон.

– Шесть шагов к югу, – и вы доплетётесь до колодца с жидким небом.

Шесть долгих лесистых шагов, и вот она – кружка из хрусталя твоих самых призрачных полётов.

– Марево россыпей

Плетиво стай сквозняков

Ты оставляешь желание взгляда туда

И тысячи синяков.

Великолепная роскошь воздушных гребней

Достаточно тяжкая, чтобы упасть

Стремительней сотен убитых утёсов

Вдруг замечаешь прыжки каучука боков

И меня осыпает призывов твоих водоворот...

Стоит подпрыгнуть повыше.

Дебют

Алексей Лоленко

ДЕЖАВЮ **вовсеуслышание**

Держащие красоту и страсть под языком

Как свои главные аргументы,
Не прите их на трибуну!
Они – микроб уродства,
И всегда рождают эпидемии.
Имеющие что сказать,
Молчите!
Аргументы – бактерии ошибок
И всегда – колыбель туберкулёза.

Наше ненасытное воображение
Сотворило нас из воды.
Любовь – это жидкость, взрывающая
Мраморные трибуны рассудка...

Куда ушёл Марсель?

«Глаза несутся туда, где рваная простынь вместо спины.»

Мы лечим осатанелого императора, расстелив на глиняном полу пугающий своей путаницей узор черепашьих панцирей, в котором грязь тонет в исцеляющей марганцовке рассвета.

– Жгучие черепахи, – говорит Его Высочество и стучит угрожающим жезлом по отменной отделке пола. – Хочу еще!

– Капризы императоров исполняются как законы. Равносильно, – шепчет мне визирь, сломавший от неожиданности спину в зарослях идолопоклонства. Облизывается.

– Я не целитель. Сумасшедших не лечу! – Император ломает трон. Его перекосившиеся ножки напоминают мне руины какого-то храма, как куски пирога, разлетевшиеся в стороны от нетерпеливости голода.

Император лицом изображает тяжелое ожесточение палача и, нежно поглаживая мои вольфрамовые от страха волосы, ведёт меня на эшафот.

– Милейший, – в голосе тысячи съеденных черепах, – так не принято. Здоровые обязаны лечить искалеченных, иначе им придется поспешно перебинтовывать головы.

На стенах, в рамках, мигающих алым огнём, гордо постукивают прописные истины. Ковры в гротескно широком коридоре напротив плюются спокойствием. И я оказываюсь зажат ножами мясорубки интерьера, но всё-таки стремлюсь пасть навзничь.

– Неприятно, знаете, мой абрикосовый, когда тебя обрекают на участь ремесленника гипофисов, аксонов и нейронов, а ты привык всё это пускать в ход.

– Хочу ещё, твою мать! – он щекочет мне затылок перстнем с выпирающим из него языком, умывшемся слюной.

Я задерживаю взгляд на перстне и, кажется, как щёлочью проедаю все его решётки с ульями атомов. Жёлчный на вкус.

– Приму на веру, – отбиваюсь я, и украдкой краду украшение, а коронованный кретин три минуты рядом кряхтит и харкает кровью.

Покуда не восстановил власть морального давления мой друг, я изучаю стены и на обеих с изумлением обнаруживаю внезапные ряды одной чёрно-белой фотографии в зелёной рамке с запахом солнца.

«Ткань...» – просто мелькнуло.

И в глазах диктатуры, я думаю тоже. Дождь кошмара.

Все в воде

В ее недостатке

В пирамидах воды

В пьедесталах воды

В трибунах воды...

– Пойду-ка я искупаюсь, милая!

– А пирог?

– После.

Блеск солнцезащитных очков.

Под ногами пищет сухой палкой на песке:

«Первая истина даоса.»

СТЕЛЛА СВЯТОГО МАО

Помню его таким. Его окно, на две трети слившееся с туманом, и его очертания в дыму. Он сделал попытку раствориться точно так же, как исчезло письмо с его стола.

– Там, где красно-жёлтые рассветы Пекина смыкаются с одухотворёнными крышами горных цепей запада; где речная вода бульканьем флейты взбирается по щиколоткам, два крутых поворота до этого топтавшихся в желчи огненных дробей барабанов; где острова встречаются внезапно и, столь же случайно перепутываясь в ожерелья, перемежеванные гранями малахита, спасают от континентальной духоты дыхания; где каменный фасад Севера стелется крошкой и известковым прахом под решительностью твоей босой ноги, – открывший все тверди с закрытыми глазами и связанными руками, взошел на гору там, – прошу: поставь на моём имени прочерк.

Его лоб, едва заметный из-под шляпы, растворяется вместе с последней, и сидит он, тень времени вне заката, ландшафтов и истории, против света и чертит свету письмо пальцем, и из пальца выстреливают пальмовые ветви.

ФЛИРТ

Безумный флирт с шёпотом наперегонки
Под мелкими стежками знамён веры в безумие,
Шепчущих мне имена не вернувшихся из красоты уродов...

КИНО

Идущий по ложбинам луж, накинувший полы шляпы на плечи, с носом из итальянского кино и походкой из вчерашнего дня...

– Кто?

Три шага на месте и взгляд-коса искоса всадил в меня три капсулы одиночества.

А я запил их изжогой из ржавой кружки, привязанной к кольцу в асфальте веревкой, истертой от неудачно используемых аттракционов на плахе.